

ИСТОРИЯ ФИЛОСОФИИ **И СОВРЕМЕННЫЙ МИР**

УДК128+ 266.5

DOI: 10.26456/vtphilos/2021.1.158

ЖИЗНЬ КАК ФИЛОСОФСКАЯ ПРОБЛЕМА В НАСЛЕДИИ Г.В.Ф. ЛЕЙБНИЦА

И.А. Фролова

ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь

Лейбниц – автор интересной философской концепции, в основе которой – идея предустановленной Богом гармонии мира и учение о монадах. Цель статьи – показать, как состояние науки того времени повлияло на осмысление феномена жизни, предложенное немецким философом.

Ключевые слова: *Лейбниц, монадология, жизнь, предустановленная гармония.*

Атомизм и монадология

Творческое наследие Лейбница весьма обширно и представлено не только в отдельных трудах, но и в письмах. Его «Монадология» выглядит довольно своеобразно как с точки зрения формы изложения идей, так и с точки зрения их содержания. Особенность текста состоит в том, что он содержит 90 утверждений, взаимосвязанных между собой, каждое из которых являет собой некоторую интеллектуальную «картинку», побуждающую к ассоциациям, и каждая такая картинка может стать объектом отдельного рассуждения. Подобный жанр философского труда, на мой взгляд, восходит к даосской традиции. Однако мне могут вполне резонно возразить: Лейбниц – западный мыслитель, и при чем здесь китайский стиль философского трактата? Это очень интересный вопрос, на который я постараюсь в меру возможности ответить в одной из статей.

Текст «Монадология» был написан за два года до смерти Лейбница, т. е. в 1714-м, но вышел в свет только в 1840 г. Прежде чем сформулировать положения «Монадологии» немецкий философ прошел путь разочарования и опровержения атомистической теории (1690-е гг.); затем была интеллектуальная переписка с Иоахимом Буве, христианским миссионером в Китае (1700–1703), знакомство с философскими китайскими текстами в переводах католических интеллектуалов иезуитского ордена, что сделало Лейбница лучшим знатоком китайской философской традиции своего времени. Впрочем, его переписка с Н. Ремон (1714–1715) является тому прекрасным подтверждением, поскольку Ремон обращается к нему как к авторитетному эксперту с просьбой изложить свой взгляд на китайскую религию и философию.

На мой взгляд, некоторые идеи и категории философии Лейбница несут на себе печать влияния неоконфуцианства, но в данной статье мне хотелось бы поговорить о проблеме жизни в его философии, и поэтому надо обратиться к его критике атомизма и к постановке некоторых проблем, обозначенных уже Аристотелем, которые стали особенно актуальными на фоне современных Лейбницу новых открытий в области биологии. При этом следует иметь в виду, что он – христианин и сторонник креационизма. Сегодня в современной науке есть ученые-христиане, которые являются приверженцами креационизма, а также сторонники эволюционизма, считающие, что идея эволюции не противоречит библейскому подходу; идея эволюции – объект веры науки, а творение – объект веры христианства. То и другое относятся к картинам прошлого, а прошлое – это история человечества, которую нельзя ни опровергнуть, ни подтвердить опытным путем.

Описывая свой опыт погружения в философские проблемы в работе «Размышления о жизненных началах и о пластических натурах», Лейбниц прямо говорит о своей увлеченности Аристотелем, из-под ига которого ему удалось благополучно освободиться, а также об интересе к атомистическим концепциям. Однако эти теории были слабы, с его точки зрения, потому что он не нашел в них «принципа истинного единства»: пассивная материя являла собой совокупность бесконечных частей. Критике атомизма посвящена небольшая работа Лейбница «Опровержение атомов, почерпнутое из [идеи] соприкосновения атомов» от 23 октября 1690 г. Совершенно очевидно из текста, что он воспринимает атомы механистически, и для него они ассоциируются главным образом с формой. Вещи отличаются друг от друга *сами по себе*, и для этого не надо производить никаких операций. Кроме того, мы различаем вещи, наблюдая *их извне*: вполне очевидно, что шар и куб отличаются наличием или отсутствием углов. Вещи могут быть одной формы, но разными по составу, «например, две монеты одной чеканки, одна из настоящего золота, другая из поддельного, легко различимы извне посредством удара молотком» [4, с. 219]. Однако это различие может быть установлено и без подобного опыта, на глаз. Все предметы существуют дискретно, могут быть оторваны друг от друга. Что такое атом? «Атом есть тело, которое невозможно раздробить» [4, с. 220]. Однако существует мнение, согласно которому атомы могут иметь «любую фигуру и величину, и любое расположение» [4, с. 220]. Лейбниц с помощью теоремы доказывает невозможность того, чтобы все тела состояли из атомов. Если допустить, что атомы имеют шарообразную форму, то они соприкасаются только в одной точке и никогда не составят тело. А тела бывают мягкими и твердыми. Как можно объяснить их различия? Площадью соприкосновения? Но какая сила определяет эту твердость, если свойства атомов равны? Лейбниц исключает атомы с плоскими и вогнутыми гранями, «иначе из

не-атома можно будет сделать атом» [4, с. 221]. Но возникает вопрос: *какая сила держит атомы вместе таким образом, что они составляют некую вещь?*

Кроме того, атомы движутся, якобы создавая многообразие материальных вещей, у которых наблюдается масса свойств. Как объяснить на основании атомистической теории процесс формирования многообразия форм и свойств предметного мира? Атомы не могут взаимодействовать между собой без Причины, потому что любая форма имеет причину и является воплощением замысла. Как возможно, чтобы из хаоса движущихся атомов возникла гармония мира, великий Порядок? Атомистическая теория не может дать ответ на этот вопрос, «если мы только не призовем на помощь некие духовные силы, способ воздействия которых на тела невозможно постигнуть» [4, с. 221].

Главной идеей философской концепции Лейбница, возникшей впоследствии, становится идея органического единства мира, в котором духовные и материальные ипостаси не противопоставлены, а находятся в гармонии. Модное в то время учение Декарта Лейбниц подверг критике именно потому, что такой гармонии в его учении он не обнаружил. На протяжении всей жизни он вел с Декартом философскую полемику, которая помогала возводить здание собственной онтологии. Критика атомизма тоже дала свои плоды, потому что все равно Лейбниц «был принужден прибегнуть к *атому формальному*, ибо что-либо материальное не может быть в одно и то же время и материальным, и совершенно неделимым, иными словами, обладать истинным единством. Таким образом, пришлось снова обратиться к субстанциальным формам...» [4, с. 272]. Он вводит понятие «монада».

В истории философии можно выявить несколько основных способов понимания этого термина. С точки зрения объяснения двойственной природы монад, что она есть и часть, и целое, высказывался Д. Бруно: «Монада – Само Божество, только в каждой монаде слагается и является Оно в особой форме. Это и есть самая глубокая противоположность, содержащаяся во вселенной, всякая ее монада – зеркало мира, оно в одно и то же время и целое, и вещь, отличающаяся от всех других, она повсюду одна и та же мировая сила, но все же всякий раз в ином образе. Целое существует, поскольку оно живет в единичном, единичное существует, поскольку носит в себе силу целого. *Omnia ubique* (т. е. все везде. – *И. Ф.*)» [7, с. 62–63].

Согласно второму толкованию термина, монада – это физическая реальность, неделимая частица материи, или атом. Так объясняет смысл данного термина И. Кант в своем сочинении 1756 г. «Применение связанной с геометрией метафизики в философии природы (Физическая монадология)», где в самом начале рассуждений он дает следующее определение: «Так как намерение мое – рассуждать только о том классе простых субстанций, которые суть первичные части, то я заранее заявляю, что я

намерен впоследствии пользоваться терминами: простые субстанции, монады, элементы материи, первичные части тел, – будто бы синонимами» [3]. Кант считает, что монады пребывают в пространстве и наполняют его, они являются строительным материалом Вселенной. Следует заметить, что его монада обладает энергетическими свойствами. Однако, как справедливо отметил В. Шмаков, из текста рассматриваемого сочинения «не видно, как Кант объясняет наличие в мире психических явлений. Если он отрицает существование Ноуменальной Реальности, то он должен показать, как из совокупности монад рождаются явления хотя бы чувства и интеллекта, факт существования которых может быть отрицаем лишь в абсолютном нигилизме» [7, с. 41–42]. Действительно, если философ признает существование некоей Высшей непознаваемой реальности, то логично было бы попытаться объяснить феномен жизни, т. е. факт появления живых существ вмешательством этой Реальности. Возможен и другой исход: признать наличие в монадах потенциальных психических свойств.

До Канта этот путь избрал Лейбниц. У него монады принадлежат по природе своей области духа, миру идеальному, что ассоциируется с представлением о монадах неоплатоника Порфирия; нисходя в материальный мир, монады облачаются в феноменальные покровы. Лейбниц объясняет монады, как впоследствии Кант, через другие категории: «...я утверждаю, что *все души* (курсив мой. – *И.Ф.*), или энтелехии, изначальные силы, субстанциальные формы, простые субстанции, *монады* (курсив мой. – *И.Ф.*), каким бы именем мы их ни называли, не могут рождаться и погибать естественно. И я признаю качества, или производные силы, или то, что называют акциденциальными формами, видоизменениями первоначальной энтелехии, точно так же, как фигуры суть видоизменения материи» [5, с. 388]. Видоизменения совершаются, но монады остаются неизменными. Кроме того, каждая монада закрыта и непроницаема для других, действует самостоятельно. Монада проявляется двойственно: с физической и с духовной стороны, представляя при этом единство.

Итак, монады — это духовные сущности, имеющие свою иерархию, которая отражает различные уровни чувствования, восприятия и рациональности. Монады просты и неделимы, они не возникают и не разрушаются естественным образом, ведь разрушить можно только сложное, состоящее из частей. Центры силы – единственные истинные субстанции, и они – первичные элементы вещей. Монады — это простые существа, «бестелесные автоматы», охваченные жадой активности. Они не обладают протяженностью, но обладают статусом субстанциональности существования, поскольку они деятельны, активны, сами являются источником своих действий. Лейбниц их часто называет «первичными силами (*forces primitives*)», которые заряжены на деятельность и осу-

ществование возможностей. Если Декарт связывал понятие материи с протяженностью, то Лейбниц полагает, что сущность материи состоит именно в деятельной силе, которой она обладает, но получается, что эта деятельная сила имеет духовную природу, что обусловлено свойствами монад, о чем мы поговорим позже. А пока подчеркнем важный момент: материя у Лейбница активна, инициативна, а протяженность выступает только следствием ее активности. Если бы материя сводилась только к протяженности, то невозможно было бы двинуться дальше в понимании того, как возможно движение и сама жизнь в материальном мире, предполагающая телесность и развитие самых разных органических форм.

Проблема жизни

Феномен жизни представляет главный интерес для немецкого философа. Монадология рисует мир как живую систему живых единиц, доступных нашему сознанию. Не все монады или простые субстанции называются душами. Есть те, которые обладают простым восприятием и стремлением, и их Лейбниц называет простыми монадами и энтелехиями. Только монады, обладающие отчетливым восприятием и памятью, можно назвать душами. Проводя различие между обычными душами и духами, Лейбниц отмечает следующие особенности: «...души вообще суть живые зеркала, или отображения универсума творений, а духи, кроме того, суть отображения самого Божества, или самого Творца природы, и способны познавать систему вселенной и подражать ему кое в чем своими творческими попытками, так как всякий дух в своей области – как бы малое божество» [5, с. 428].

Что нового вносит в философское осмысление мира монадология Лейбница? С одной стороны, философ утверждает органическую целостность мира; с другой стороны, в природу духа вводится идея множественности. Взгляд Лейбница на мир и его устройство часто называют механистическим. Творец мира – Бог – выступает как искусный Мастер, создавший «машину мира» или «машину природы», которую населил «органическими машинами» (божественными), т.е. растениями, различными организмами, животными. В 64-м тезисе «Монадологии» Лейбниц пишет: «Таким образом, всякое органическое тело живого существа есть своего рода божественная машина, или естественный автомат, который бесконечно превосходит все автоматы искусственные, ибо машина, сооруженная искусством человека, не есть машина в каждой своей части... Но машины в природе, т. е. живые тела, и в своих наималейших частях до бесконечности продолжают быть машинами» [4, с. 424–425]. Тело материально, каждый его фрагмент сложно устроен. Материя способна к бесконечной делимости, а каждая часть обладает собственным движением, и при этом каждая часть материи выражает весь универсум. Лейбниц убежден, что «в наималейшей части материи существует целый мир творений, живых существ, животных, энтелехий, душ» [4, с. 425]. Декарт

отрицал наличие души у животных и растений и полагал, что только духи бывают монадами. Лейбниц выдвинул иную точку зрения, и его мир живой: все органическое в нем обладает душевной организацией разного уровня.

Человек – самая сложная органическая машина, способная к познанию мира. Пониманию степени сложности человеческого организма способствовало появление микроскопа, усовершенствованного Левенгуком. Напомню, что Левенгук создал достаточно качественный микроскоп, увеличивающий мельчайшие объекты в 275 раз. Он шлифовал линзы вручную, добиваясь отличного их качества, а также исследовал с помощью микроскопа ткани человека, микроорганизмы, описывая увиденное и предоставляя вниманию просвещенной общественности и ученым. Исследуя человека, Левенгук открыл наличие в организме человека эритроцитов, одноклеточных организмов (что было феноменальным открытием). Он описал бактерии, сделал рисунки сперматозоидов, открыл инфузорию, исследовал структуру глаз насекомых, отсылая результаты в Лондонское королевское общество в течение 50 лет. Левенгук имел отличную репутацию исследователя, и Лейбниц вполне доверял результатам его труда. Левенгук показал, что внутри человека живут микроорганизмы, что они играют колоссальную роль в поддержании жизненных функций тела. Тело человека предстало как система, внутри которой сокрыты от человеческого глаза другие системы, и поскольку они живые, они тоже обладают душевной организацией, пусть и примитивной, будучи составленными, как полагал Лейбниц, из монад. Эту идею вполне выражает 70-й тезис «Монадологии»: «Отсюда видно, что у каждого живого тела есть господствующая энтелехия, которая в животном есть душа; но члены этого живого тела полны других живых тел, растений, животных, из которых каждое имеет опять свою энтелехию, или господствующую душу» [1, с. 426].

Возникновение души одной от другой, естественным образом, Лейбниц отвергает категорически, полагая, что душа создана (что вполне вписывается в христианскую концепцию) и предсуществует, но данное предсуществование нельзя понимать в платоновском смысле. Лейбниц пытается осмыслить процесс творения, исходя из состояния биологической науки своего времени. Он полагает, что есть акт творения, далее этап полного предсуществования, а между ними – некая середина, когда душа, «просуществовавшая в семени в самом начале всех вещей, была только чувствующей, но она достигла высшей ступени, т. е. разума, когда человек, которому душа должна была принадлежать, был зачат и когда органическое тело, *сопутствовавшее с самого начала этой душе* (курсив мой. – И.Ф.), было определено при условии некоторых перемен образовать человеческое тело» [4, с. 388]. Лейбниц приписывает Богу это возвышение чувствующей души до уровня разума. Заметим, что речь идет о процессе совершенствования души до момента рождения человека, далее

о предопределенности души конкретному человеку и о том, что каким-то образом материальное тело человека сопутствует душе.

Как материальное и идеальное синтезируется в человеке? – проблема не доступная человеческому разуму. Философ откровенно заявляет: «...мне больше нравится допущение чуда, при рождении человека, равно как и других животных» [4, с. 388]. А далее он формулирует своеобразную доктрину предопределения, суть которой в следующем: «Это можно понять, допустив, что среди огромного числа душ и животных, или по крайней мере органических живых тел, заключенных в семени, одни только эти души *предназначены достигнуть некогда человеческой природы* (курсив мой. – *И.Ф.*), содержащей в свернутом виде разум, который некогда проявится, и что только органические тела этих душ преформированы так, чтобы принять однажды человеческую форму» [4, с. 388–389]. Если выхватить эту цитату из контекста, то перед нами предстанет, казалось бы, буддийская идея, но ни о каком переселении душ вообще речи нет. Лейбниц – противник метемпсихоза, критиковал Пифагора за эту идею. Опираясь на исследования авторитетных ученых своего времени, в частности Сваммердама, Мальпиги и Левенгука, он поддерживает их представления о трансформациях. Считая эту тройку исследователей природы великолепными наблюдателями, он пишет: «...они заставили меня допустить скорее, что как животное, так и всякая другая организованная субстанция не начинается в то время, когда мы думаем о них, и что их видимое рождение есть только развитие, нечто вроде приращення» [4, с. 274]. Души не переселяются после смерти живых существ, потому что «никогда не бывает также ни полного рождения, ни совершенной смерти, в строгом смысле, состоящей в отдалении души. И то, что мы называем рождениями, представляет собой развития (developments) и увеличения, а то, что мы зовем смертями, есть свертывания (envelopments) и уменьшения» [5, с. 426]. Такое суждение Лейбниц основывает на данных научных наблюдений, согласно которым было замечено путем точных исследований, произведенных над растениями, насекомыми и животными, что органические тела в природе никогда не происходят из хаоса или из гниения, но всегда из семян, в которых, без сомнения, имела место некоторая *преформация* (курсив мой. – *И.Ф.*), то отсюда было сделано заключение, что не только органическое тело существовало еще до зачатия, но и душа в этом теле, и, одним словом, само животное и что посредством зачатия это животное было лишь побуждено к большому превращению, чтобы стать животным другого рода. Нечто подобное замечаем мы и там, где нет собственно рождения, например, когда черви становятся мухами, а гусеницы — бабочками» [5, с. 426].

Понять данные суждения Лейбница абсолютно невозможно без обращения к концепции преформизма, которая была довольно модной в его времена, в XVII и XVIII вв., хотя уходит в далекое XIII столетие и

связано с алхимией. Преформизм — это учение, которого придерживались Левенгук и Мальпиги, и оно утверждало, что в половых клетках заключены некие структуры, которые определяют специфику развития организма. По мнению ученых того времени, зародыш уже сформирован в половой клетке, и он просто растёт, укрупняясь в размере. Есть укрупнение, но не постепенное развитие как некое видоизменение. Возникает вопрос, где именно он заключен: в сперматозоиде или в яйцеклетке? Левенгук совершил открытие сперматозоида и считал, что человек в «свернутом виде», так сказать, содержится именно в нём. Соответственно, появились сторонники *анималькулизма* (приверженцы Левенгука) и *овизма* (убеждавшие, что зародыш находится в яйцеклетке). Анималькулисты полагали, что гомункул (зародыш, находящийся в сперматозоиде), попадая в лоно матери, преобразуется в человека. Как? Неизвестно. Однако данное представление о зарождении человека отражает идею его изначальной физиологической и духовной целостности. Монады – духовные сущности, души, которые, как уже говорилось, не могут появляться и погибать естественно, а это значит, что они появляются по воле Творца, и, таким образом, идея Творения обретает у Лейбница новое осмысление с элементом божественного избрания: «Что же касается духов, или разумных душ, то хотя я нахожу, что в сущности, как мы уже сказали, со всеми живыми существами и животными происходит одно и то же (именно что животное и душа получают начало только вместе с миром и не кончаются наравне с миром), но все-таки в разумных душах есть та особенность, что их маленькие семенные животные, пока они не представляют собой ничего, кроме этого, обладают только обычными, или ощущающими, душами; но, как только те, которые, так сказать, избраны, путем действительного зачатия достигают степени человеческой природы, их ощущающие души возвышаются до степени разума и до преимуществ духов» [5, с. 427–428].

Монадология – это своеобразная философская концепция, объясняющая гармоническое состояние мира, предустановленное Творцом. Мир Лейбница самодостаточный и пронизан духовностью, как и космос Платона. В нем пульсирует жизнь и царит Порядок. Философ попытался предложить свое видение древнейшей проблемы соотношения появляющегося, развивающегося тела и духа, мимо которой не может пройти ни один философ. За много веков до Лейбница в сочинении «О душе», в конце 3-й главы, Аристотель подчеркивал ее важность: «Эти же философы стараются только указать, какова душа, о теле же, которое должно ее принять, они больше не дают никаких объяснений, словно любая душа может проникать в любое тело, как говорится в пифагорейских мифах. Между тем каждое тело имеет присущую лишь ему форму и образ» [1, с. 6]. Лейбниц, как и Аристотель, убежден, что тело приводит в движение душу. Монадология – это не очень удачная попытка ответить на ещё один, самый сложный вопрос, поставленный Аристотелем, над которым

бьются физики, биологи и философы современности. Свой вопрос Аристотель сформулировал в 4-й главе трактата «О душе»: «Связь частей тела чрезвычайно легко обнаружить... а из чего составленным и каким сочетанием следует признать ум, или способность ощущений, или способность стремления?» [2, с. 7]. С момента постановки этого вопроса прошли века, но феномен духа остается загадкой. Человек остается для себя величайшей тайной. Хилари Патнэм справедливо замечает: «В XVII столетии все величайшие философы – Декарт, Спиноза и Лейбниц – отдавали себе отчет в том, что существует серьезная проблема, связанная с отношением между сознанием и материальным телом... однако оно стало еще более проблематичным после появления современной физики» [6, с. 103].

Список литературы

1. Аристотель «О душе». [Электронный ресурс]. Гл. 3 URL: https://booksafe.net/read/aristotel-o_dushe-189651.html#p6 (дата обращения: 23.01.2021).
2. Аристотель «О душе» [Электронный ресурс]. Гл. 4 URL: https://booksafe.net/read/aristotel-o_dushe-189651.html#p7 (дата обращения: 23.01.2021).
3. Кант И. Применение связанной с геометрией метафизики в философии природы (Физическая монадология). [Электронный ресурс]. // Метафизические начала естествознания. М.: Мысль, 1999. 1712 с. URL: www.philosophy1.narod.ru/ka (дата обращения: 23.01.2021).
4. Лейбниц Г.В. Монадология // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 1. 636 с.
5. Лейбниц Г.В. Новая система природы и общения между субстанциями, а также о связи, существующей между душой и телом // Соч.: в 4 т. М.: Мысль, 1982. Т. 4. 534 с.
6. Патнэм Х. Разум, истина и история. М.: Праксис, 2002. 296 с.
7. Шмаков В. Закон синархии и учение о двойственной иерархии монад и множеств. Киев: София, Ltd., 1994. 320 с.

LIFE AS PHILOSOPHICAL ISSUE IN LEIBNIZ'S PHILOSOPHICAL DOCTRINE

I.A. Frolova

Tver State University, Tver

Leibniz is the author of interesting philosophical concept in the base of which are the idea of harmony preset by God and the doctrine of monads. The purpose of the article is to show, how the state of science of that time influenced the understanding of the phenomenon of life, proposed by the German philosopher.

Keywords: *Leibniz, monadology, life, preset harmony.*

Об авторе:

ФРОЛОВА Ирина Алексеевна – кандидат философских наук, доцент кафедры философии и теории культуры ФГБОУ ВО «Тверской государственный университет», г. Тверь. E-mail: star63@yandex.ru

Author information:

FROLOVA Irina Alekseevna – PhD., Assoc. Professor of the Dept. of Philosophy and Theory of Culture, Tver State University, Tver. E-mail: star63@yandex.ru